

кое руководство самодеятельным коллективом", который является органическим продолжением подготовки студента как организатора художественной самодеятельности в области театрального, музыкального, хореографического искусства, подготовки, начатой дисциплинами специализаций и предметом "Самодеятельное художественное творчество в СССР". Новый предмет дает возможность изучить имеющиеся в практике многообразные формы художественной самодеятельности как исполнительской, так и художественно-исследовательской, художественно-критической направленности, выработать у студентов умение моделировать перспективные направления деятельности и формы их организации. Кроме того, углубление практической подготовки студента по указанному предмету даст возможность серьезно подготовиться к выполнению курсовой работы и сдаче государственного экзамена по самодеятельному художественному творчеству и по специализации.

Таким образом, предмет "Методическое руководство самодеятельным коллективом" даст возможность готовить того специалиста, которого требует сегодняшняя и в перспективе завтрашняя практика.

В.В.Нефедов, профессор

ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ БУНИНА

I.

И. Бунин вошел в русскую плеяду великих мастеров слова ххв. М. Горький писал ему: "Я люблю читать Ваши вехи, думать и говорить о Вас". Об индивидуальности Бунина нельзя говорить с чрезмерной обобщенностью или же холодностью. Необходим заинтересованный взгляд на характерные особенности его духовных исканий. Решая фундаментальный вопрос об отношении человека к внешнему миру, он считал, что индивидуум не способен подчинить его себе, ибо миром управляет высшая сила, которой он придает разные обличья (последовательным мыслителем он, как известно, никогда не был). В частности, это - древнегреческий рок. Бунин пишет о человеке, бросающем вызов судьбе. Он

создает образы героев заведомо обреченных на поражение ("Эсхил", "Прометей в пещере"). В Бунинском "Эсхиле" — размышления поэта о крупнейшей проблеме древнегреческого драматурга: свобода воли личности в условиях господства фатума. Бунин создает образ гениального человека, который "пред судьбою"

Склонил чело суровое с таким
Величием, с такою мощью духа, —
Какая подобает лишь богам
Да смертному, дерзнувшему впервые
Восславить дух и дерзновеенье смертных!

Бунину свойственна героизация творческого человека: пусть судьба выше его, но свой опыт бытия он оставит потомкам в эстетической форме.

"Прометей в пещере" перекликается с "Прикованным Прометеем" Эсхила. В этой трагедии показана присущая Эсхилу жажда справедливости: страдает восставший против богов, но и боги поколеблены в своем величии, более того, они нуждаются в помощи поверженного (миссия Гермеса). Прометей Бунина утверждает свое равенство с Державным (Зевсом). Образ Прометея резко отличается от образов титана из "Огней Прометея" (Минского) и трагедии "Прометей" (В.Иванова).

Другое обличье высшей силы связано у Бунина с влиянием на него пантеизма. Здесь подход Бунина — мыслящего интеллигента — к проблеме божества совершенно ясен: он отождествляет бога с природой. Здесь просматривается неоспоримое влияние Д.Бруно ("Джордано Бруно"). В стихотворении Бунина "Бог" художественный темперамент покоряет философическую настроенность. Он испытывает простую радость от любования природой, нюансами световоздушной сферы.

...Бог был ясен, радостен и прост:
Он в ветре был, в моей душе бездомной —
И содрогался синим блеском звезд
В лазури неба, чистой и огромной.

В стихотворении "В архипелаге" Бунин говорит о боге как о своей поэтической грезе, подсказанной не книжными, а чисто живописными впечатлениями:

Не все ль равно, что это старый храм,
 Что на мысу — забытый портик Феба!
 Запомнил я лишь ряд колонн да небо.
 Дым облаков курился по горам,
 Пустынный мыс был схож с ковригой хлеба,
 Я жил во сне. Богов творил я сам.

Бог Бунина — бог художника. Это отчетливо явствует из его стихотворения "Михаил".

Ребенок, я думал о боге,
 А видел лишь кудри до плеч,
 Да крупные буры ноги,
 Да римские латы и меч...

Бунин мыслит не отвлеченными категориями, а образами. Перед ним не маска духа, а реальный, красочный портрет римского легионера:

Архангел в сияющих латах
 И с красным мечом из огня
 Стоял на клубках синеватых
 И дивно глядел на меня.

Латы у него — сияющие, меч — красный, клубы — синеватые; глядит он — дивно. Это бунинское упоительное любование легионером только стимулируется мирным церковным интерьером. Поэтическое чувство Бунина никак не поколеблено "духом гнева, возмездия, кары".

Художник, носитель реалистического мышления Бунин презирал современный ему буржуазный интеллигентский мистизм, это вредное для жизнелюбия плетение словес ("...Мистического храма мне жалок темный бред", — писал он в 1905 г.). Он никак не мог принять, например, Бальмонта, который в "Пути правды" мистически считает, что подлинный орган познания — экстаз, озарение, "когда нам истина сверхчувственно дана".

...Когда идешь над бездной — надо прямо
 Смотреть в лазурь и свет.

(Бунин "Мистику")

Такова позиция Бунина — человека искусства. Конечно же, эффекты свещения способны его радовать только как эффекты освещения ("Проснусь, проснусь за окнами в саду..."). Эта прекрасная лирическая композиция в собрании сочинений Бунина 1915 г. называлась "Кто-то". Позже она была лишена заглавия, надо думать, потому, что упоминаемый и курсивом выделенный в тексте "он" — это фантазия его ночной тревоги поэта, только обострявшей восприятие чудесной игры лунного света, которым поэт восхищается, освобождаясь от болезненных чувств, так что заглавие оказывается просто лишним.

А в такой заметной в собраниях сочинений Бунина композиции, как "Сапсан" поэт рассказал о мучительном ночном переживании человека ("В полях, далеко от усадьбы, зимует просыпной омет"). Бунин резко сократил как ненужное негодество поэзии первоначально бывшее в тексте описание соперничества героя с опасным, мистическим врагом. В результате образ Сапсана — выдумка, подсказанная деревенским бытом и романтизированной поэтом.

Бунин — художественная натура — восторженно воспринял наивную мистику индейских племен Северной Америки. Он упорно и вдохновенно долгие годы трудился над переводом "Песни о Гайавате" Лонгфелло, воскресив американский эпос на русском языке. "Песнь" покорила его, в частности, красочными, пластическими олицетворениями природы: "...манили к себе древние народные предания с их величавой простотой и благородством..." "Песнь" "воскрешает... цельные характеры первобытных людей, их быт и мирозерцание", — пишет он в заметке "От переводчика".

В отличие от Лонгфелло, Бунин с необычайной остротой реагировал на объективную необходимость считаться с косностью, угрожающей погасить волю людей к созиданию. Он преодолевал страх перед темной природной стихией, опираясь на любовь к солнцу, к жизни, поэтизировал людей в их борьбе с бездуховной материальностью. Сильнейший пример этому — "Господин из Сан-Франциско": "Океан с гулом ходил за стеной черными горами, вьюга крепко свистала в отяжелевших снастях, пароход весь дрожал, одолевая и ее, и эти горы, — точно плугом разваливая на стороны их зыбкие, то и дело всплывавшие и высоко взвивавшиеся пенистыми

хвостами громады, — в смертной тоске отонала удручаемая сирена, мерзла от стужи и шалела от г. посидьного напряжения внимания вахтенные на озовей вышке, мрачным и знойным недрама присюдадной, ее последнему, девятому кругу была недобна подводная утроба парохода, — та, где глухо роготали исподняюкие топки, поширавшие своими раскаленными зевами груди каменного угля, о грохотом свергаемого в них облитыми едким, грязным потом и по пояю голыми лядьми, бягровыми от пламени..."

Благодаря этим лядям, другие ляди "в баре, беззаботно закидывали ноги на ручки кресел, цедили коньяк и ликеры, ялавади в волнах вряного дыма..."

Бунин говорит о лядях, окрытых "мрачными и знойными недрама корабля, таяко одолевающего мрак, океан, вьюгу..." О лядях, борющихся о жестокой стихией, одолевающих ее, оберегающих при этом человеческие блага: "... опять оради бешеной вьюги, проносившейся над гудевшим как погребальная масса и ходившем траурными от серебряной пены горами океаном. Бесчиоленные огненные глаза корабля были за снегом едва видны Дьяволу, оледившему со склад Гибралтара, с каменитых ворот двух миров, за уходящим в ночь и вьюгу кораблем. Дьявол был громаден, как утро, но громаден был и корабль многорушный, многотрубный, созданный гордыней Нового человека со отарым сердцем. Вьюга билась в его снасти и широкогорлые трубы, побелевшие от снега, но он был стоек, тверд, величав и страшен".

Аудожническая натура Бунина, его поразительное чутье формы сказалоось в написании этого олова — Дьявол — с большой буквы: не о злом духе идет речь или же олицетворении в этом роде, но о кооной материи, противной разуму человека, чуждой ему.

Разве не пронизан высоким гуманистическим пафосом доверия к человечеству этот рассказ, написанный в тяжкий для лядей год — 1915? В 1963 г. на форуме европейских писателей в Ленинграде Л. Леонсов сказал о нем: "... как утешительно знать, не правда ли, что, помимо этих чисто каютных героев... в машинном отделении, в кочегарке одновременно действуют хмурые, недоверчивые, не шибко сильные в дипломатическом этикете ляди и один на один за всех борются о судьбой, о ночной стихией, с дьяволом самим, хотя бы для того, чтобы до последнего вздоха

было соблищено человеческое достоинство".

Никак нельзя принять высказывание П.Овеша, окрашенное в тона субъективистские, искаженные неприятием личности автора этого рассказа: "Пресловутый "Господин из Сан-Франциско" беспробовтен, краски в нем нагромоздены до тошноты. Критика буржуазного мира? Не думаю. Собственный отрак смерти, зависть к молодым и богатым, какое-то даже лелейство".

2

Бунин-художник последовательно отображает в слове внутреннюю ситуацию, мотивированную опытом человека, но отидя не предвзятый концепцией философского толка. Он называл тайной то, что не мог понять в себе и в окружающем мире ("... Везде она, эта всепроникающая власть тайны, таинственного..."). На мышление Бунина оказал влияние И.С.Никитин — один из его учителей. Стихотворение Никитина "Присутствие неосуществимой силы..." (1849) содержит в себе квинтэссенцию, которая растворяется в ткани буниной прозы и поэзии.

Тайна, пусть и угрожающая, отидя не смиряет Бунина, наоборот повышает в нем личное мужество, углубляет внутреннюю последовательность ("Сталь"). Миниатюра "Ночной путь" замечательна по описанию не безликого человеческого мужества, но сильной личности — характерно при мое обращение автора к герою: "Стой со сжатыми скулами" — пусть угрожает олепая сталька, но дело человека — следовать своим курсом: "Правь рукою железною...". Мастер воплотил моральное кредо в миниатюре "Перевал", несколько раз переписывавший им: человек в одиночестве борется с косной материей, хотя бы только потому, чтобы (говоря вслед за Леонаевым), до последнего, пусть горчайшего, вздоха сохранить достоинство, благородство.

Бунин не отличался религиозностью. В "Автобиографической заметке" (1915) он рассказывает, как, благодаря его врожденной впечатлительности он избавился от мучительной мысли о том, что за гробом. Излечила меня, помню, весна. Отзвуком этого осталось то упоение, с каким отдавался я иногда печали всеношных бдений в елекких церквях, куда водило нас, гимназистов, наше начальство, хотя вообще церковных служб я не любил. Теперь люблю — в

древних русских церквях и иносверческие, то есть католические, мусульманские, буддийские, — хотя никакой ортодоксальной веры не держусь".

Бунин, однако, задумывался над вопросом о потребности человека в религии. Различные боги были, по Бунину, олицетворением потребностей человеческих. В "Каменной баше" он размышляет о том, что в глубокой древности, когда человек так страдал от своей беспомощности перед стихией, религия была просто нужна людям именно в качестве моральной опоры для существования.

Бунин касался проблемы христианства, считая его, в отличие от Гомера и Эсхила, человечным. Последние полагали, что рок грозит извне. Бунин же ("Конь Афины Паллады", "Эсхил") утверждает идею рока внутри человека: человек — источник собственных бед, драм, трагедий, а окружающий мир нейтрален. Если христианство помогает людям созидать, говорит Бунин, то оно полезно ("Освобождение Толстого").

Бунин с отличающим его художественным максимализмом всегда тянулся к житиям православных святых, подвижникам веры. В стихотворении "Матфей Прозорливый" (1916) он создает образ учителя всяческой людской скверны, козней дьявола. И в "Аглае" (1916) Бунин вновь обращается к Матфею. Героиня читает о "Матфее Прозорливом, коему было даровано видеть в мире лишь одно темное и низкое, проникать в сокровеннейшие скверны людские сердец, прозревать лики подземных дьяволов и слышать нечестивые советы их..." В "Аглае" Бунин упоминает о Матфее, исходя из необходимости характеристики героини, а в стихах конкретно фабулу "Жития преподобного отца нашего Матфея Прозорливого, зрящего бессовские мечты" не использует. В стихах он изображает человека, своей горькой судьбой утверждающего неколебимую моральную стойкость. Матфей ненавидит культ темного и низкого в людях. Матфей — Дьяволу:

Гнус презренный
Тебе ль смеяться? Нет лютей
Врага для вас во всей вселенной,
Чем я, никакойший из людей.

Дьявол заявляет Матфею, что они оба — "бесы", так как

оба "мастера внедрятся в тайны" человеческих сердец, и предлагает ему союз, ибо оба они (по мысли Дьявола) - враги людей и вместе могли бы гораздо успешнее, нежели порознь, сбивать их с пути истинного. Матфей с негодованием отвергает предложение Дьявола.

Не будет неожиданной мысль о том, что идея драматического диалога Баса и противоборствующего ему человека выдвинутой воле родилась в сознании "пушкинианца" Бунина под влиянием "Сцены из Фауста" Пушкина. Образный строй "Матфея" зависит от "Сцены". Мефистофель стремится представить Фауста извержившимся философом, законченным скептиком. Аналогично поступает и Дьявол у Бунина по отношению к Матфею (разумеется, образ Фауста Пушкина совершенно отличен от образа бунинского Матфея. Фауст, извержившийся во всем бывший романтик, несет людям зло).

Н. Л. Кузьминич, канд. пед. наук

ДИАГНОСТИКА ЦЕЛЕЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ

Разработка комплекса теоретических (контрольных) заданий для выпускников оркестровой специализации является эффективным определением уровня соответствия подготовленности будущих специалистов к решению задач в области развития художественного творчества. Другими словами, речь идет о диагностике целей специальной подготовки студентов в вузе культуры.

Диагностике может быть подвергнута как степень сформированности у будущих специалистов отдельных знаний, умений, навыков, личностных качеств, так и уровень сформированности личности специалиста в целом (что, впрочем, в настоящее время весьма проблематично в силу недостаточной разработанности в педагогике и психологии общих проблем формирования личности). В качестве инструмента, позволяющего выявить наличие описанного в модели специалиста свойства или признака выступает тест - специальное контрольное задание (КЗ), выполнение которого свидетельствует о наличии у испытуемого того или иного